

Глава 8. Восемь миллионов

— Алло, это господин Нин Цзань?

— Да, слушаю.

— На вас подали жалобу. Истец утверждает, что вы разбили заднее стекло его автомобиля. Если у вас найдётся время, мы бы хотели пригласить вас в Суд района XX.

Нин Цзань на пару секунд задумался, перебирая в голове воспоминания, пока наконец не выудил из глубин памяти этот пустяковый эпизод.

Грешок, конечно, копеечный, но в своё время за этот принятый на себя косяк он отхватил целый миллион средств за котел.

— Стекло разбил действительно я, — осторожно произнёс Нин Цзань, пытаясь подобрать слова так, чтобы и вину признать, и в то же время ненавязчиво подтолкнуть собеседника к оправданию его действий. — Но скажите, у вас вообще есть доказательства?

На том конце провода повисла озадаченная тишина. Собеседник явно растерялся от столь противоречивого заявления и, лишь спустя несколько секунд совладав с мыслями, неуверенно переспросил:

— То есть вы хотите сказать, что этого не делали?

— Разве я это говорил? — тут же парировал Нин Цзань.

— Тогда... что именно вы имеете в виду?

Нин Цзань призадумался:

— Я же говорю: разбил я. Но доказ...

[Внимание! Нарушение правил! Запрещено намеренно провоцировать отказ от признания вины]

Нин Цзань мысленно выругался.

— Ладно, забудьте, — со вздохом сдался он. — Моих рук дело, отрицать не стану. Когда заседание? Скажите время, я приеду.

Век живи — век чужие грехи за гроши разгребай. На душе скребли кошки, но мысль о лёгком миллионе быстро вернула ему благодушное настроение. Работа козлом отпущения — дело такое: терпи и улыбайся.

От такой покладистости на том конце провода снова лишились дара речи.

Лишь спустя минуту послышался тяжёлый вздох, за которым последовал мягкий, почти отеческий совет:

— Господин Нин, понимаете... Дело-то пустяковое. Из-за такой ерунды доводить до полноценного судебного разбирательства не стоит. Мы бы настоятельно рекомендовали вам урегулировать вопрос с истцом в досудебном порядке.

— Ну уж нет! Раз виноват — должен ответить по закону, спускать такое на тормозах нельзя! — Нин Цзань решительно отверг мирную альтернативу. — Не переживайте, я обязательно буду. Никаких «динамо», слово даю. Просто пришлите мне точное время и номер зала.

«Ну как, Котёл? Скажи же, я всё правильно сделал? Разве моя хватка козла отпущения — это не высший пилотаж?»

[...]

— Папа, я хочу кушать голубя! — Нин Лэлэ, выхватив из длинной тирады отца знакомое слово, мгновенно оживился.

— Какого тебе голубя? Тушено-жареного? Или, может, потопим его с нежным тофу? А как тебе суп из голубятины с шиитаке, древесными грибами и тофу? — Нин Цзань на ходу набросал несколько аппетитных вариантов.

В тишине отчётливо прозвучали два синхронных голодных глотка.

Нин Цзань замер. Один звук точно издал Лэлэ, но второй... неужели это донеслось из телефонной трубки?

— Ох, прошу прощения, тут сын отвлёк, совсем позабыл, что я на проводе. В общем, я вас понял. Жду адрес и время, непременно буду.

—... Хорошо, господин Нин, — упавшим голосом отозвался клерк.

Экран смартфона погас. Малыш Лэлэ уставился на отца сияющими, полными надежды глазками:

— Папа, хочу-хочу!

— И что мы будем готовить? Тушено-жареного голубёнка? — с улыбкой уточнил тот.

— Ага! — кроха закивал с такой силой, что едва не уронил голову, и снова шумно сглотнул слюну. Он посмотрел ещё более жалобно и просяще.

— А я не умею, — с самым невинным видом развёл руками Нин Цзань.

— Тогда... потушить? — Лэлэ на лету вспомнил одно из названных отцом блюд.

— Прямо в одном котле? — этот кулинарный метод показался Нин Цзаню предельно простым и не требующим особых навыков. Поверив в свои силы, он уверенно кивнул. — Идёт, сделаем рагу.

Малыш безоговорочно верил в кулинарный гений отца.

— Угу, всё в один котёл! — радостно подтвердил он.

Сказано — сделано. Будучи человеком практичным, Нин Цзань не стал покупать живую птицу, а приобрёл в супермаркете уже выпотрошенную и ошипанную тушку. Заодно прихватил тофу, шиитакэ и древесные грибы. Домой они возвращались, шурша увесистым пакетом с провизией.

Предвкушение пиршества переполняло Лэлэ энергией. Он ни на шаг не отставал от отца, весело семеня рядом, а стоило им переступить порог квартиры, как мальчик тут же рванул на кухню, готовый немедленно приступить к готовке.

Чтобы сыну было удобнее наблюдать за процессом, Нин Цзань принёс из комнаты небольшой деревянный табурет и поставил его у плиты.

— Для начала вскипятим воду.

Он водрузил на конфорку вместительную кастрюлю и до краёв наполнил её водой.

— Побольше водички, чтоб бурлило! — задорно закричал Лэлэ.

— Отойди-ка чуть подальше, а то ещё одежду опалишь, — заботливо предупредил его отец.

— Ой, ладно.

Послушный малыш глянул себе под ноги, ухватился за край отцовской куртки и аккуратно слез на пол. Пыхтя от усердия, он приподнял табурет и оттащил его на шаг назад.

Пристроив свою подставку на безопасном расстоянии, он вновь вскарабкался на неё, крепко держась за край одежды отца.

— Хоп!

— Всё, папочка! Теперь далеко, не обожгусь!

Нин Цзань оглянулся и тепло улыбнулся:

— Вот и умница. Стой спокойно и не балуйся, договорились?

— Договорились! — Лэлэ послушно закивал. Ему жутко хотелось заглянуть внутрь кастрюли, но из-за маленького роста ничего не было видно, поэтому он осторожно приподнялся на цыпочках.

Отец заметил этот манёвр:

— А ну-ка опусти пятки, упадёшь ведь.

Мальчик обиженно надулся:

— Но мне же не видно...

— Сейчас там всё равно ничего интересного нет, — успокоил его Нин Цзань. Сын при этом смешно вытянул губы в обиженную трубочку. — Вот как закипит, я возьму тебя на ручки, и всё разглядишь. Что теперь будем добавлять?

— Голубёнка! — выпалил Лэлэ, у которого в голове сейчас крутилась только аппетитная птица.

Поразмыслив, Нин Цзань решил, что закладывать мясо первым — вполне разумная мысль, и аккуратно опустил тушку в воду.

— Ура-а-а! — захлопал в ладоши Лэлэ с таким триумфальным видом, будто они только что совершили кулинарный подвиг века.

Едва сдерживая смех, Нин Цзань подумал, что его сын — самое очаровательное создание на свете. Он подхватил малыша на руки, затискал и, прежде чем тот успел запротестовать, заговорщически прошептал:

— Ну что, хочешь посмотреть?

— Да, да, хочу!

Отец поднёс его к плите, позволяя понаблюдать за варкой птицы.

Вода ещё даже не начала прогреваться. Тушка просто уныло покачивалась в прозрачной жидкости. Картина напоминала скорее мытьё птицы, нежели приготовление изысканного блюда.

Лэлэ заворожённо всматривался в кастрюлю. Нин Цзань терпеливо держал его на весу — благо сын весил совсем немного, и руки не затекали.

Наконец мощный огонь сделал своё дело: по дну побежали первые цепочки пузырьков.

— Ого! Буль-буль-буль пошло!

— Теперь надо подождать, пока проварится, верно? — с сомнением в голосе спросил Нин Цзань.

Малыш озадаченно склонил голову набок, скопировав интонацию отца:

— Проварится, да?

— Значит, пусть варится, — кивнул Нин Цзань и накрыл кастрюлю крышкой. — Подождём маленечко.

Устроившись поудобнее на отцовском плече, кроха дотянулся до ручки крышки, слегка приподнял её и с глухим стуком опустил обратно:

— Папа, пусть варится.

— Хм? И кого же ты собрался варить? Неужели собственного папу? — шутливо поддел его тот.

— Папа, варится! — настойчиво повторил Лэлэ.

— Ну вот, точно хочет меня сварить. Ах ты, разбойник, — притворно вздохнул Нин Цзань.

— Не папу! Варится голубь, а папа ждёт! — округлив глаза, серьёзно пояснил Лэлэ, не поддавшись на провокацию. Его детский разум быстро сориентировался и расставил всё по

местам.

Нин Цзань не выдержал и звонко рассмеялся.

Малыш вцепился в его домашнюю футболку:

— Вредный папа!

Он принялся ластиться, утыкаясь носом в шею Нин Цзаня:

— Обними меня сильно-сильно!

От неожиданного напора Нин Цзань даже качнулся назад, едва удержав равновесие.

— Ох, егоза. Я ведь и так тебя держу. Настоящий мужчина растёт, а ластится, как девчонка.

Лэлэ уткнулся лицом ему в плечо и хихикнул:

— Папа у меня самый сильный мужчина.

— Подлиза, — беззлобно фыркнул Нин Цзань, легонько шлёпнул сына по попке и понёс его прочь из кухни.

Просторная гостиная не отличалась обилием мебели ни до переезда Нин Цзаня, ни после. Зато сейчас весь пол здесь был буквально усеян деталями конструкторов, машинками и мягкими игрушками — настоящий склад под открытым небом.

Убирать этот кавардак у Нин Цзаня не было ни малейшего желания. Ловко пиная попадающиеся на пути пластмассовые детали, он пробрался к свободному пятачку, расстелил мягкий коврик и бережно опустил на него сына:

— Давай, развлекайся пока сам.

Малыш, привыкший к подобному раскладу, без лишних слов ухватил ближайшую яркую безделушку и тут же принялся деловито её разбирать. Точнее — крушить.

Лэлэ рос послушным и спокойным ребёнком, но стоило какой-нибудь игрушке попасть к нему в руки, как она теряла первозданный вид в рекордные сроки. Целой она оставалась разве что в день покупки.

Недавно подаренный Се Цзяном набор постигла та же участь. Сейчас отыскать среди разбросанных обломков хотя бы треть уцелевших деталей было задачей из разряда невыполнимых.

Впрочем, Нин Цзань никогда не ругал его за это. Какая разница, дорогая вещь или дешёвая, целая или сломанная, если ребёнок всё равно увлечённо с ней возится? Сплошная экономия нервов.

Окинув взглядом этот пластиковый хаос, царивший в гостиной, Нин Цзань со вздохом отвернулся.

Да и бог с ним. Пусть лежит, пока кто-нибудь другой не приберёт. С глаз долой — из сердца вон.

Смахнув со спинки дивана застрявшего там плюшевого динозавра, он развалился на мягких подушках и запустил на телефоне какую-то незамысловатую игрушку.

Спустя пару раундов экран мигнул, оповещая о входящем вызове от Се Цзяна.

— Цзань, только умоляю, не заходи сейчас в соцсети! — раздался в трубке взволнованный голос менеджера.

— Что случилось-то? — искренне удивился Нин Цзань. — С чего вдруг такая паника?

— Ты что, сегодня ещё не читал ленту? — в голосе Се Цзяна скользнуло заметное облегчение.

— А надо бы? Давай гляну, — шутливо отозвался Нин Цзань, уже сворачивая игру, чтобы удовлетворить внезапно разыгравшееся любопытство.

— Нет-нет-нет, даже не думай! — запричитал Се Цзян. — Там сейчас такое льётся — уши завянут. Лучше послушай меня, я вкратце обрисую ситуацию. Главное — ради всего святого, ничего не пиши и не комментируй сам! — умолял он, панически боясь, что импульсивный подопечный наломает дров.

— Выкладывай, я парень крепкий, выдержу, — посерьёзнев, ответил Нин Цзань.

На том конце провода шумно вздохнули.

— Всё из-за той истории с Лю Даньдань. Помнишь, вас засняли вместе в лифте? Скандал тогда знатный разгорелся.

— Ну да, помню, — протянул Нин Цзань. В груди у него вдруг сладко заныло от какого-то очень приятного предчувствия.

Се Цзян между тем продолжал говорить вкрадчивым, успокаивающим тоном, тщательно подбирая слова:

— Так вот. После того как в прессу слили кадры этого пикантного Инцидента ЗР, Лю Даньдань упорно хранила молчание. Но вчера поздно вечером она наконец сделала заявление. По её словам, в тот злополучный день она поднималась на лифте исключительно ради встречи с тобой.

— И теперь общественность буквально бурлит. Тебя вовсю полощут в сети, обвиняя в причастности к этой грязной интрижке.

Нин Цзань ненадолго замолчал, а затем его голос дрогнул от с трудом сдерживаемого возбуждения:

— Погоди... То есть народ думает, что там был Инцидент 4Р? Какая наглая, восхитительная ложь! Получается, я снова оказался крайним и без вины виноватым?

Се Цзян, неверно истолковав его реакцию, поспешил успокоить разгорячённого друга:

— Увы, именно так. Но ты только не вздумай пороть горячку! Мы обязательно что-нибудь придумаем, проработаем стратегию, главное — сохранять ледяное спокойствие. Если сорвёшься, они только этого и ждут. Лю Даньдань и её покровители специально втягивают тебя в эту грязь, чтобы перевести стрелки и отвлечь внимание публики от себя. В шоу-бизнесе справедливость мало кого волнует, но поверь, у нас ещё есть козыри в рукаве.

— Да я всё понимаю, расслабься, — благодушно отозвался Нин Цзань, удивляя менеджера своим олимпийским спокойствием. — Подумаешь, ерунда какая. Давай я лучше тебя в ресторан свожу? Любую проблему можно заесть хорошим стейком, а если не поможет — повторим. За счёт заведения, то есть за мой. Уж на еду у меня денег точно хватит, набьёшь брюхо от пуза!

Се Цзян завис:

—... Чего?

На лице Нин Цзяня в этот момент блуждала абсолютно счастливая улыбка.

«Котёл! Ну же, Котёл, явись! Слыхал? Мне тут только что прилетел шикарный, сочный косяк на блюдечке! Давай, отсыпай монеты!»

[... Принято]

<http://bllate.org/book/19617/2038113>